

Опасная «ловушка легитимности» Саудовской Аравии

Саудовская Аравия стоит перед выбором: уступить хуситам или отстаивать свой авторитет — в то время как внутренние разногласия угрожают стабильности королевства.

Аластер Крук

вск 20 сен 2026 8 мин. чтения

Саудовская Аравия стоит перед стратегическим выбором: либо уступить требованиям «Ансар Аллах», либо оказаться втянутой в «ловушку доверия». Суть этой ловушки в том, что Мухаммед бин Салман может попытаться сохранить убедительность притязаний Королевства на роль хранителя святых мест и одного из главных полюсов суннитского исламского мира — и потому отказаться идти навстречу требованиям «Ансар Аллах».

Дилемма заключается в следующем. С одной стороны, любые уступки рискуют лишь придать новый импульс «[революции](#)» «Ансар Аллах», которая набирает поддержку и всё сильнее воодушевляет людей по всей Западной Азии. С другой стороны, настаивая на особом статусе Саудовской Аравии как монархии и на привилегиях, вытекающих из самой этой системы, Мухаммед бин Салман может активизировать внутреннюю оппозицию уже с другой стороны — среди многочисленных саудовских племён, многие из которых до сих пор сохраняют недовольство тем, что были оттеснены на второй план и лишились прежнего влияния и статуса в результате утверждения монархической системы, сосредоточенной в руках одной семьи.

С самого начала саудовская монархия сосредоточила финансовые блага страны в руках одной семьи, назвав это «единством». Однако единство, построенное на исключении других, таит в себе раскол и оказывается уязвимым перед требованиями обойдённых вниманием племён предоставить им подобающий политический вес и справедливую долю доходов Королевства.

Сегодня на Саудовское Королевство на Западе смотрят уже через иную призму: внимание привлекают его богатство, кажущаяся модернизация и заявленные претензии на лидерство в исламском мире, тогда как фундаментальные внутренние противоречия Королевства остаются в тени. На Западе предпочли исходить из того, что Королевство постепенно [приспосабливается](#) к требованиям современной жизни и что преобразование суннитского ислама и управление им, в свою очередь, также подтолкнут Саудовскую Аравию к дальнейшей адаптации к современности.

Однако положение Саудовского Королевства довольно необычно — и при этом оно слабее, чем принято считать. Внутренние противоречия страны вполне могут подтолкнуть Эр-Рияд к эскалации войны в Йемене ради сохранения своего статуса и влияния, несмотря на заметное отсутствие поддержки со стороны союзников. (Похоже, сдержанность Трампа в вопросе помощи Саудовской Аравии может быть связана с активным лоббированием со стороны ОАЭ — ожесточённого соперника Мухаммеда бин Салмана. Эмираты пытаются убедить Трампа не поддерживать новое саудовское военное вмешательство в Йемене, поскольку это ещё больше ослабило бы и без того рушащиеся позиции ОАЭ на юге страны и в прибрежных районах.)

Необычность внутреннего устройства Королевства восходит к самому характеру его основания Ибн Саудом в 1932 году, а также к гораздо более позднему решению США изменить сложившийся в Западной Азии исторический баланс сил в пользу Саудовской Аравии и монархий, эмиратов и шейхств Персидского залива, получивших особый статус уже после Второй мировой войны.

Некоторое время назад я писал, что [история](#) внутренних противоречий саудовской идентичности «напрямую связана с Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом — основателем ваххабизма — и с тем, как Ибн Сауд использовал его радикальный, исключаящий и пуританский подход»:

Вторая составляющая этой противоречивой двойственности напрямую связана с последующим поворотом короля Абд аль-Азиза к созданию полноценного государства в 1920-е годы. Поначалу, следуя совету британского офицера Гарри Сент-Джона Филби, он принял идею о том, что, превратив ваххабизм в политический и военный инструмент, сможет возглавить Ближний Восток.

Однако последующее обуздание Абд аль-Азизом ваххабитского насилия — необходимое для того, чтобы Саудовская Аравия могла обрести дипломатическое признание как национальное государство со стороны Великобритании и США, — и институционализация первоначального ваххабитского импульса, а затем и использование в 1970-е годы внезапно открывшегося потока нефтедолларов привели к тому, что взрывоопасную энергию ваххабизма стали направлять не внутрь страны, а вовне — на экспорт.

Однако это ваххабитское течение, которым так восхищался Филби и которое впоследствии трансформировалось в ИГИЛ, само было своего рода возрождением раннего, воинственного и в значительной степени автономного авангардного движения вооружённых пустынных «моралистов», которым к началу XIX века едва не удалось подчинить себе Аравию. Со временем, однако, Абд аль-Азиз стал ощущать, что революционный «якобинизм» этого авангардистского движения угрожает его более широким интересам. Когда он попытался обуздать его сторонников, те подняли восстание, что привело к гражданской войне, продолжавшейся вплоть до 1930-х годов. В конечном итоге Абд аль-Азиз подавил экстремистов — британцы расстреляли их из пулемётов.

Суть в том, что саудовский ваххабитский подход к исламу не исчез в 1930-е годы. Он лишь отступил в тень, сохранив влияние на отдельные элементы системы. Отсюда и та двойственность, которую мы наблюдаем сегодня в отношении Саудовской Аравии к межконфессиональным войнам в таких странах региона, как Сирия.

Саудовский проект укрепился, когда Ричард Перл и Дэвид Вурмсер по поручению Нетаньяху (тогдашнего премьер-министра Израиля) в 1996 году подготовили документ [«Стратегия чистого разрыва»](#). Иран должны были лишиться союзников, а монархи и шейхи Персидского залива должны были возглавить новую стратегическую парадигму в Западной Азии.

Монархи и шейхи стран Персидского залива одновременно стали главными ставленниками, обеспечивающими энергетическое господство США на Ближнем Востоке, а также «заслоном», за которым Нетаньяху мог разрабатывать проект «Великого Израиля» (Соглашения Авраама).

«Летом после (неудачной) войны Израиля против „Хезболлы“ в 2006 году Дик Чейни **далее развил** эту стратегию „Чистого разрыва“. Чейни сидел в своём кабинете и громко сетовал на то, что „Хезболла“ по-прежнему сильна; и что ещё хуже — ему казалось, что Иран стал главным выигравшим от войны США в Ираке 2003 года».

Собеседник Чейни — тогдашний глава саудовской разведки принц Бандар — решительно поддержал эту точку зрения (как **описал** Джон Ханна, который участвовал в этой встрече). К удивлению всех, принц Бандар заявил, что Иран всё ещё можно поставить на место: Сирия, по его мнению, была «слабым» звеном между Ираном и «Хезболлой», которое можно было разрушить с помощью исламистского повстанческого движения. Первоначальный скептицизм Чейни сменился восторгом, когда принц Бандар сказал, что участие США не понадобится: он сам, Бандар, будет координировать и руководить этим проектом. «Оставь это мне», — сказал он.

Бандар сказал Джону Ханна: «Король знает, что, кроме самого краха Исламской Республики, ничто не ослабит Иран сильнее, чем потеря Сирии».

Так начался новый этап политики изматывания Ирана. Региональный баланс сил предполагалось решительно изменить в пользу суннитского ислама во главе с Саудовской Аравией и в союзе с другими монархиями региона. Тем самым межконфессиональная борьба получила политическую легитимацию со стороны вице-президента США Дика Чейни.

Иными словами, Саудовская Аравия стала той опорой, на которой Запад намеревался выстраивать взаимодействие с суннитским исламским миром, чтобы сдерживать Иран и противостоять ему и его союзникам по «фронту Сопротивления». Впоследствии государства Персидского залива стали ключевым звеном, вокруг которого выстраивались «Соглашения Авраама» и процесс нормализации отношений с Израилем.

Однако... в самом этом проекте были заложены внутренние противоречия. Насильственный характер негидийского ваххабизма означал, что Саудовской Аравии, несмотря на всю её громкую риторику о лидерстве в исламском мире, не хватало легитимности, чтобы убедить мусульманскую умму признать её богословское главенство.

Во-вторых, Королевство было построено на зыбкой основе неохотного подчинения племён — и этот баланс мог быть нарушен при первых же признаках ослабления монархического контроля. Согласно последним сообщениям, Иран и «Хезболла», возможно, обсуждают с племенными лидерами Аравийского полуострова формирование нового племенного расклада сил.

Йеменцы не питают особой симпатии к саудовцам. Более того, именно Йемен, а не Саудовская Аравия, представляет собой более глубокую и аутентичную историческую основу арабского мира. Многие, если не большинство, племён Ближнего Востока возводят своё происхождение к йеменским корням.

В начале 1930-х годов основатель современной Саудовской Аравии, король Абд аль-Азиз Аль Сауд, безапелляционно [захватил и аннексировал](#) три северные провинции Йемена, а затем попытался навязать ваххабизм йеменским приверженцам эзотерических направлений ислама — зейдизма и исмаилизма. В более недавний период, на протяжении последних десяти лет, Саудовская Аравия возглавляла блокаду тех районов Йемена, которые находятся под контролем «Ансар Аллах».

Вот почему проект «Ансар Аллах» и есть [«революция»](#) — это борьба против навязанной власти колониальной эпохи. Аятолла Хомейни предвидел, что иранская революция за национальное освобождение и суверенитет не станет последней революцией в регионе; он предполагал, что другие революции неизбежно последуют. Новый Верховный лидер Ирана Муджтаба Хаменеи недавно намекнул на это, говоря о Йемене.

Ибрагим аль-Амин, редактор «Аль-Ахбар», [написал](#) на этой неделе:

«... Когда-нибудь кто-то расскажет историю взаимоотношений между „Ансар Аллах“, „Хезболлой“ и Ираном; а пока стоит выделить лишь некоторые ключевые моменты... Сайед Хасан [Насралла]... стремился сформировать „наиболее точное понимание“ — которое стало официальной политикой Ирана — и определить его взгляд на позицию и роль движения „Ансар Аллах“. [Насралла] твёрдо считал, что поддержка этой отважной группы не имеет никакой цены, кроме тех достижений, которых они добились, и которые неизбежно служили общему делу...

«То, чего добился „Ансар Аллах“ в Баб-эль-Мандабе, стало качественным скачком в развитии этого движения. Это событие невозможно отделить от того, что происходит во всём регионе... Люди в Ливане и Палестине поймут, насколько важно то, что сделал „Ансар Аллах“... горстка свободных людей сумела одним ударом разрушить эти песчаные замки...».

Пока ещё слишком рано говорить о том, получит ли распространение в регионе то, что Ибрагим аль-Амин называет «революционным настроем». Между тем западные мейнстримные СМИ, как и следовало ожидать, рассматривают удары Йемена по Саудовской Аравии исключительно через призму их влияния на энергетический кризис на Западе и последствий для американо-саудовских отношений. Однако при таком подходе из поля зрения выпадает другой аспект — впечатляющий успех «Ансар Аллах» в создании революционного момента. Как отмечает аль-Амин:

«„Ансар Аллах“ удалось заручиться поддержкой значительного большинства племён, убедив их в том, что интересам Йемена не отвечает передача страны в руки государств, правительств и сил, которые на протяжении многих десятилетий лишали её богатств, расхищали её ресурсы, ввергали её в нищету... а затем попытались навязать ей идеологические установки, противоречащие всему тому, что укоренилось среди населения южной части Аравийского полуострова более чем за две тысячи лет».

То, что мы наблюдаем сегодня, представляет собой своего рода возвращение к прежнему порядку: Западная Азия, по-видимому, вновь обращается к более ранним и исторически более аутентичным структурам власти, тогда как недолговечная попытка реализовать неоконсервативный проект Чейни, опиравшийся на крайне шаткую основу и использовавший ваххабитский авангардизм как таран, начинает отступать под давлением растущего общественного самосознания и массовой мобилизации.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Саудовская Аравия МБС хуситы